

Она даже не оборачиваясь знала, кто это говорит, — ее вторая сестрица, Шэнь Яочжи. Ей пришлось обернуться и позвать:

— Вторая сестрица...

Шэнь Яочжи бросила на нее взгляд:

— Пойдем вместе, вечно ты суетишься. — С этими словами она обошла ее и зашагала впереди. Шэнь Яочжи шла следом, глядя на ее спину с идеальной осанкой, и думала о том, что хотя у их отца, государева управителя Шэнь Сина, было много наложниц, дочерей у него имелось всего трое: две от побочных жен и одна от законной. Это были старшая барышня Шэнь Яоюй, вторая барышня Шэнь Яочжи и она сама.

По этой причине вторая и третья ветви рода только и делали, что строили планы, как бы перевести кого-нибудь из своих сыновей к ним в наследники и заполучить титул. Взять хотя бы встречу старшей сестрицы — они наверняка явятся в полном составе, чтобы подольститься к ее законной матушке.

Что же до самой законной матушки, то она была женщиной весьма своеобразной и ко всем относилась одинаково прохладно. Кроме поездок в даосский храм Юйцин к дочери, она только и делала, что затворялась в молельне и читала сутры. Одна мать, другая дочь — одна ударилась в буддизм, другая в даосизм. Интересно, найдется ли у них хоть пара слов друг для друга, если сойдутся вместе?

Подумав об этом, Шэнь Яогуан не удержалась и прыснула со смеху.

Услышав ее смешок, Шэнь Яочжи обернулась и нахмурилась:

— Шэнь Яогуан, над чем смеешься?

— Ни над чем, ни над чем. — Шэнь Яогуан поспешно затрясла головой, сделала шаг вперед, взяла Шэнь Яочжи под руку и затараторила:

— Вторая сестрица, пойдем скорее, нам никак нельзя прийти позже второй и третьей ветвей.

Шэнь Яочжи только собралась велеть ей следить за манерами, как услышала, что они могут опоздать и явиться позже второй и третьей ветвей. Тут же забыв про всякую благопристойность, она схватила сестру за руку и быстрым шагом бросилась через галерею в сторону Утонувшего двора.

Эта вторая сестрица целыми днями вела себя как ученая девица, при каждой встрече хмурилась и отчитывала ее за отсутствие благородных манер. Однако вторая и третья ветви были ее ахиллесовой пятой — она ни за что на свете не пожелала бы уступить им титул главы

рода.

Промчавшись всю дорогу до дверей и обнаружив, что внутри подозрительно тихо, они перевели дух. Шэнь Яочжи выровняла дыхание и с облегчением выдохнула:

— Хорошо, что успели первыми.

Шэнь Яогуан бросила на нее быстрый взгляд и мысленно усмехнулась: Какая же она доверчивая.

Поправив с помощью служанок воротья и подола платьев, они перешагнули порог и вошли в комнату. Циньхэ, главная горничная госпожи, завидев их, приветливо улыбнулась и почтительно двинулась навстречу. Обменявшись с ними положенными поклонами, она проводила девушек в парадную залу:

— Госпожа совершает молитву, вторые барышни, прошу вас немного подождать.

Обе кивнули в знак согласия и расселись по местам. Шэнь Яогуан от скуки принялась разглядывать убранство залы. Поскольку госпожа была ревностной буддисткой, помещение больше походило на домашний храм: в самом центре на резном красном дереве столе возвышалось изваяние Будды, на стенах висели свитки с сутрами, не говоря уже о густом аромате сандала, наполнявшем всю комнату.

Вскоре подтянулись сыновья и дочери второй и третьей ветвей. Прежде тихая парадная заласразу зашумела, словно базарная площадь, и от этого гама у Шэнь Яогуан, и без того раскалывавшаяся голова из-за недосыпа, заболела еще сильнее.

Окинув взглядом с добрый десяток двоюродных братьев и сестер, заполнивших комнату, Шэнь Яочжи холодно произнесла:

— Вот каковы ваши манеры, вторая и третья ветви?

В зале мгновенно воцарилась мертвая тишина. Кто-то из младших было засопел, собираясь что-то возразить, но старшие тут же зажали ему рот. Сейчас было не время для ссор — старшие родственники уже промыли им мозги наставлениями.

Шэнь Яогуан бегло оглядела присутствующих: среди малышей выделялся десятилетний младший сын второй ветви Шэнь Цинхуань, а из старших — четвертая барышня Шэнь Яои, ровесница самой Шэнь Яогуан. Оглядев залу еще раз, она отметила, что собрались все до единого: вторая ветвь — два сына и три дочери, третья — три сына и четыре дочери. Какое плодovitое семейство!

И нечего удивляться, что они пренебрегают правилами приличия. По ее мнению, в самом доме

государственного управителя никаких правил отродясь не водилось. Распорядительницей в доме была наложница, причем не из любимых, а потому ее полномочия ограничивались лишь поддержанием хоть какого-то порядка во внутренних покоях, в то время как на деле внизу все прогнило до основания. Именно поэтому она, законная дочь сановного рода, жила в такой нищете и лишениях.

А эти вторая и третья ветви и вовсе походили на паразитов-кровопийц, только и думавших о том, как бы урвать кусок из семейного бюджета.

Что же до ее отца, то он целыми днями пропадал неизвестно где, шлялся повсюду, и лишь к средним годам дослужился до скромной чиновничьей должности седьмого ранга в управлении зернохранилищ. Шэнь Яогуан казалось, что от всего особняка веет какой-то необъяснимой жутковатой таинственностью, и именно поэтому ей так сильно хотелось отсюда сбежать.

На этой мысли она снова тяжело вздохнула, и как раз в этот миг за дверью раздался голос служанки, возвещающей о прибытии:

— Госпожа идет!

Все тут же выпрямились, одернули одежды, расправили плечи и приняли чинный вид, усевшись со всей возможной строгостью. Даже сама Шэнь Яогуан невольно выпрямилась, опустив взгляд и придавая своему лицу предельно почтительное выражение.

Мгновение спустя в залу медленно вошла облаченная в простые белые одежды супруга управителя по фамилии У. На сей раз все присутствующие без исключения поднялись со своих мест и отдали ей должное, хором произнеся с глубоким почтением:

— Приветствуем госпожу.

Ее звали исключительно госпожой, поскольку мадам У разрешала именовать себя только так, а любые другие обращения наотрез пресекала.

С холодным выражением лица госпожа У чуть заметно кивнула и сухим голосом бросила:

— Садитесь, к чему эти церемонии.

Все хором отозвались и вернулись на свои места, в зале снова воцарилась тишина. Тут выступившая вперед нянька Цэн, неотлучно находившаяся при госпоже У, суровым взглядом обвела собравшихся и веским, исполненным силы голосом произнесла:

— Сегодня великий день: домой возвращается старшая барышня. Все господа и барышни обязаны помнить о приличиях, не шуметь, не балаганить и не ронять достоинство рода.

Сделав короткую паузу, она продолжила:

— Старшая барышня — законная первенчица нашего дома, особа высокого происхождения. Хотя она с малых лет познавала путь отречения в даосской обители и пятнадцать лет не появлялась в родных стенах, горе тому, кто посмеет проявить к ней небрежность или распускать за ее спиной языки — семейный закон не знает жалости.

С этими словами она слегка повернулась, отвесила поклон госпоже У и отошла в сторону. Домочадцы вновь почтительно поднялись и склонили головы перед госпожой.

Шэнь Яогуан исподтишка скривила губы и мысленно хмыкнула: Под видом наставления младших она отчитывает тех, кто постарше!

Госпоже У и без того было тошно находиться в одном помещении со всей этой сворой. Убедившись, что цель достигнута, она уже собиралась отпустить их, как вдруг снаружи послышался топот быстрых шагов, и чей-то голос из числа прислуги завопил во весь голос:

— Старшая барышня прибыла к воротам усадьбы!

Не успел замереть этот крик, как на обычно бесстрастном лице госпожи У промелькнула тень бурной радости. Вскочив со своего места, она быстрыми шагами устремилась к главному входу. Нянька Цэн тут же бросилась за ней, подхватывая под руку и шепча вполголоса:

— Госпожа, не спешите так, смотрите под ноги.

Но мадам У словно не слышала ее предупреждений, продолжая семенить вперед со всех ног.

Пока ошеломленные внезапным поворотом домочадцы растерянно переглядывались, Циньхэ уже спешила к ним с торопливыми нотками в голосе:

— Уважаемые господа и барышни, прошу следовать за госпожой встречать старшую барышню, не мешкайте.

Тут все наконец пришли в себя, спешно поднялись на ноги и гурьбой двинулись вслед за госпожой У и нянькой Цэн к парадным воротам. Дорога сопровождалась шепотками и пересудами:

— Интересно, какая она из себя, эта старшая сестрица?

— Говорят, она столько лет провела в даосском храме, у нее вообще волосы-то остались?

Шэнь Яогуан едва сдержала смех. Ей самой тоже было любопытно взглянуть на старшую сестру, но думалось, что дурнушкой та точно не будет.

Вскоре вся процессия добралась до ворот. Госпожа У уже стояла в самом авангарде, впившись глазами в приближающуюся издалека карету, и ее пальцы судорожно сжимали скомканный шелковый платок.

Экипаж плавно остановился, и чья-то рука откинула занавеску...

Увидев эту руку, Шэнь Яогуан замерла в оцепенении, на ее лице отразилось абсолютное восхищение — ей еще никогда в жизни не доводилось созерцать столь безупречной красоты. Длинные, точеные пальцы с ровными суставами, кожа белая и гладкая, словно лучший нефрит, на солнце излучали едва заметное сияние, а кончики ногтей отливали розоватым оттенком, напоминая лепестки только что распустившегося персикового бутона.

Ах! Ах! Ах! Она же заядлая фанатка красивых рук! Эта рука была просто великолепна, невообразимо прекрасна!

<http://bllate.org/book/21409/2184845>